

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Тайное божество бюрократии

В комментариях по поводу арестов на январско-февральских митингах звучала мысль: дело идет к массовым репрессиям. Были и возражения: мол, массовые – это когда миллионы, а здесь «всего лишь» тысячи. Но, добавляли, эффект страха от этих тысяч теперь такой же, как от тех миллионов. Мне это уравнение во всех отношениях, кроме одного, кажется не верным.

По многочисленным рассказам, мы знаем, что задержанным на митингах чаще всего вменяли в вину действия, которых они не совершали, и никогда – то, за что их в действительности хватили с той или иной мерой жестокости. Росгвардейцы и омоновцы крутили задержанным руки, били, иногда матерились, но не говорили, за что бьют. Не говорили в отделениях, за что задержали, не писали этого в протоколах и

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

в приговорах. Но и те, кого задерживали, и те, кто задерживал, знали: это за то, что ты показываешь нам, что ты против нас и, может быть, что ты за Алексея Навального.

С Навальным, кстати, то же самое. Он открыто заявлял, что против этой власти – и против того, кто ее возглавляет, говорил в адрес главного обидные слова, причем при свидетелях, сам все это записывал. Казалось бы, для следствия и суда нет ничего проще, как вменить ему эти действия – все документировано, свидетелей миллионы, умысел налицо. Но на суде ни одного раза не было сказано про эти инвективы, а судят его за никому не интересные давние дела с какой-то парфюмерной фирмой, и многие убеждены, что эти обвинения столь же выдуманные, что и в отношении участников протестов, наказываемых якобы не за протест.

Кого обманывают этой документально оформляемой массовой ложью? Ясно, что ни обвиняемые, ни обвиняющие не верят в формально выдвигаемые претензии. Не верят и третьи лица – будь то свидетели на улицах, читатели или зрители репортажей. Можно было бы подумать о каких-то наивных, ничего не знающих телезрителях и радиослушателях, которых власти хотели бы убедить в том, какие плохие люди – эти протестующие. Но таким зрителям и слушателям можно соврать что угодно, для этого не нужны ни протестующие, ни вынесенные им приговоры – достаточно лживых журналистов и редакторов. Словом, найти адресата этих обвинений и приговоров не удастся.

Вспомним теперь, что людям, которых арестовывали в годы именно *массовых репрессий*, приписывали диверсионные и враждебные действия как раз против Сталина и его режима. Сколько из них действительно были оппонента-

ми режима и Сталина? Думается, что ничтожно мало – настоящих врагов уничтожили на несколько лет раньше. Известно, что следователи придумывали или заставляли подследственных придумывать фантастические преступления, которые те якобы совершали (или на которые покушались). Понятно, что и здесь ни обвиняемый, ни обвиняющий, ни «суд-тройка» не считали эти обвинения правдой. Но на то, чтобы выбить такое признание (или подпись подследственного на чистом листе – измышления следователя потом будут туда вписаны), тратились не только силы, здоровье, а то и жизнь жертв – за что никто до сих пор не ответил, кстати, – но ведь и силы самих «сотрудников органов».

Меня интересует вопрос: зачем делалась эта нелегкая работа? Разве не мог следователь сам изобразить подпись, которую ставила рука избитого или запуганного, раздавленного человека? Разве стал бы тот суд сомневаться в ее подлинности? Но при всей простоте такого решения сведений о его массовом применении, кажется, нет.

Так почему же постсоветские карательные органы заведомой ложью, старательно, не жалея собственных сил, скрывают истинные мотивы действий как своих жертв, так и своих собственных, а придумывают и приписывают ложные, выдуманные? От кого они это скрывают, кого обманывают?

Ответ, что тогда «органы» обманывали Сталина, а теперь – Путина, не выдерживает критики, но интересен тем, что указывает на некую инстанцию, наделенную сверхчеловеческими чертами и лишенную каких-либо человеческих. Эта инстанция требует сведений о тысячах, а то и миллионах – притом не скопом, а по отдельности. И потому следователи, прокуроры и судья ведут

себя так, будто в этой инстанции будет прочтен каждый написанный ими протокол и приговор – иначе зачем они пишутся?

В этой инстанции – и только там! – все выдуманное, измышленное, полученное под пыткой и записанное на бумаге имеет статус правды, какой бы дикостью или глупостью это ни было. Записанное там никогда не подвергают сомнению и не проверяют – то есть верят всей этой лжи. Но, говоря «верят», мы подразумеваем некий, пусть очень странный и ущербный, но разум, а значит, и некое существо, которому он принадлежит.

Таким образом, мы вывели существование невидимого божества бюрократов; они ему служат, сами того не понимая. Если их спросить: «Зачем вы так делаете?» – они, если ответят, скажут: «Так надо». А кому надо и зачем, они не знают. Инстанция, которой служит силовая бюрократия, никогда не являет себя большинству из них, и только тот, кто вдруг оторопее и спросит себя, что же он делает, на мгновение узрит эту страшную силу, живущую только ложью, не способную видеть и слышать правду.

Считается, что бюрократия служит рациональности. Но сказанного выше достаточно, чтобы заключить, что, хотя она вполне рационально служит власти, которая ей платит и дает привилегии, она окружает свою деятельность иррациональным ритуалом, или перформансом.

Другой институт иррационального перформанса – фальсификации на выборах. Кажется, что силовая бюрократия здесь ни при чем. В самом деле, школьные преподаватели без всякого насилия даже над собственной душой в темноте задних комнат избирательных участков массовым порядком серийно

совершают уголовно наказуемые деяния, никогда не неся за это ответственности. И совесть их не мучает, когда назавтра они входят в класс и начинают учить детей быть честными и мужественными.

Но вот председатель комиссии на глазах избирателей запикивает пачку бюллетеней в урну. Вот на их глазах подъезжает автобус с «карусельщиками», вот подменили листы с результатами. Хочется спросить: не могли, что ли, сделать по-тихому? Почему так топорно, так грубо?

Ответ: потому, что именно в этом и есть ноу-хау последнего двадцатилетия. Назовем это цинизмом как средством побеждать. Взволнованному наблюдателю от КППФ или «Яблока», на чьих глазах, лишь чуть прикрываясь, совершили подлог, дали понять: или сделай вид, что не видел, или пойми, что мы не очень-то и скрываем. Потому, что не в циферках дело. Мы правим не потому, что за нас проголосовали, а потому, что мы – сила. Уличай нас, сколько хочешь, – все равно будет по-нашему.

Ноу-хау гласит: силу надо показывать в форме дважды заведомой лжи. Дважды – потому, что это ложь, про которую и лгущий знает, что она ложь, и тот, кому лгут, но оба ведут себя так, будто это правда. И, пока лгущий сильнее, такая ложь его укрепляет – за счет усугубления слабости того, кому лгут.

«Левада-центр» (знаменитый «иностранный агент») после голосования по поправкам к Конституции, побеждавшего ковид лучше «СпутникаV», задал избирателям вопрос: «По вашему мнению, голосование было проведено честно или нечестно?». Ответы (в % ко всем опрошенным) представлены в таблице:

	Честно + Скорее честно, %	Скорее нечестно + Нечестно, %	Затруднились с ответом + Отказ от ответа, %
<i>В среднем</i>	48	40	12
18–24 года	31	65	4
25–39 лет	43	46	11
40–54 года	45	45	10
55 лет и старше	59	25	16

По результатам видно, что в эту процедуру поверило только большинство пожилых. В остальной части общества большинство не поверило. Ну и не надо! Для демонстрации силы через ложь важно, что в итоге результаты голосования приняты нацией. Сколько-нибудь серьезных волнений не было – дело забыто, ждем 2024 года.

Тому, кто демонстрирует силу именно таким способом, не важно, хорошо ли о нем думают те, кто смирился со сложившимся положением дел. Ему достаточно, что они сидят тихо. Но

главное – вся бюрократическая машина несколько месяцев вертелась для получения заданного результата, непрямого смысла в котором столько же, сколько в обсуждавшихся выше приговорах. Это проверка бюрократии на лояльность.

А для нас главное в том, что мы увидели и поняли: чем меньше честного прямого смысла, чем больше заведомой лжи, тем больше сила карательной и иной бюрократии в ее власти над нами. Так устроено царство ее невидимого божества – божества насилия.